

Лицо Е Цзюньчжу помрачнело, он холодно посмотрел на юношу и сказал:

— А ты не боишься, что я тебя действительно убью?

Юноша на мгновение опешил — видимо, он не думал о такой возможности. Он поспешно заговорил:

— Я, я могу сделать что угодно, только не убивай меня. Даже, даже если я буду снизу, я согласен.

Уголки губ Е Цзюньчжу дрогнули. Он поднял руку, запечатал духовную силу юноши и сказал:

— Тогда в ближайшее время останешься рядом с Цинъяном и будешь за ним ухаживать. А потом я отправлю тебя обратно в Хэхуань.

Учеников Хэхуаня ненавидели и небесные, и демонические культиваторы, но почти никто из них не осмеливался убить ученика Хэхуаня, потому что Хэхуань умел сплачиваться. Стоило тебе прикончить одного из их учеников, как они каждый день являлись к твоей секте с приставаниями. Известен случай, когда Хэхуань довёл одну второстепенную школу до того, что она закрыла свои врата и навсегда ушла от мира.

Е Цзюньчжу собирался отправить юношу обратно в Хэхуань, но не желал просто кормить его всё это время, поэтому заставил юношу работать слугой: каждый день подавать чай, подавать воду, стирать одежду, готовить еду. А поскольку раны Нин Цинъяна ещё не зажили, юноша должен был ещё и мыть ему ноги и помогать купаться.

Е Цзюньчжу дал юноше прозвище — Вол. Он надеялся, что тот будет, как вол, честно трудиться, невзирая на жару и стужу.

Юноша возненавидел это вульгарное прозвище. Как может человек с чувством прекрасного носить такое имя?

Юноша надул губы:

— Красавчик, я не хочу этого имени. Меня зовут Хуа Цзиньюй.

Е Цзюньчжу покосился на него и сказал:

— Говори по-человечески.

Хуа Цзиньюй показал две ямочки на щеках и сладко улыбнулся:

— Старший Е.

Нин Цинъян шлёпнул его по затылку и свирепо сказал:

— Не смей улыбаться! — эти ямочки уже давно мозолили ему глаза.

Хуа Цзиньюй обиженно надул губы и больше не осмелился улыбаться.

Е Цзюньчжу взволнованно схватил руку Нин Цинъяна, погладил затянувшиеся раны на ладони и, нахмурившись, спросил:

— Болит?

Нин Цинъян посмотрел на блестящую макушку Е Цзюньчжу, вспомнил тот день на турнирной площадке, сердце его дрогнуло, и голос невольно стал мягким:

— Пустяки.

Хуа Цзиньюй потёр всё ещё ноющий затылок:

— ...

Нин Цинъян повернулся и холодно зыркнул на Хуа Цзиньюя. Тот вздрогнул — этот взгляд был смутно знаком. Он внутренне напрягся и не осмелился больше болтать. Хотя тот человек был уже мёртв, но с его способностями возродиться было вполне возможно. Как бы там ни было, лучше быть осторожнее.

Может быть, прозвище, данное Е Цзюньчжу, действительно воодушевило Хуа Цзиньюя, а может быть, свирепые взгляды Нин Цинъяна его напугали, но сейчас он и впрямь работал, как вол, старательно и безропотно, каждый день массируя плечи и ноги раненому Нин Цинъяну.

Когда Ли Вэньюань снова пришёл в пещеру Е Цзюньчжу, он увидел Нин Цинъяна, развалившегося в кресле-качалке, как помещик, а Хуа Цзиньюя, суетившегося вокруг, как маленькая невестка: подавал чай, воду, мyal плечи, колотил по ногам.

Уголок глаза Ли Вэньюаня дёрнулся. Он сдержался, чтобы не прихлопнуть этого племянника-ученика:

— Цинъян, где твой учитель?

Нин Цинъян опустил газету мира культивации, посмотрел на Ли Вэньюаня и сказал:

— Старший брат готовится к прорыву на стадию Золотого ядра, учитель отправился его охранять.

Ли Вэньюань рассердился на его нерадивость:

— А ты почему не идёшь тренироваться?

Нин Цинъян поднял руку, и Хуа Цзиньюй подобострастно вложил ему в руку чашку чая. Нин Цинъян отпил глоток и сказал:

— Я достиг узкого места, ищу возможность для прорыва.

Ли Вэньюань помолчал с мгновение, потом сказал:

— Когда старший брат Е вернётся, передай ему, что глава секты его вызывает.

— Хм.

Прорыв на стадию Золотого ядра — хоть и не лёгкое дело, но и не слишком трудное, особенно для личного ученика, как Бай И. Если бы он не смог достичь даже Золотого ядра, то был бы полным ничтожеством. Бай И не был ничтожеством, его талант был неплох, и ему понадобилось всего три дня, чтобы успешно прорваться.

Три дня Е Цзюньчжу охранял его снаружи пещеры для затворничества, скучая до того, что готов был пустить корни, когда наконец Бай И вышел.

Бай И взволнованно улыбнулся:

— Учитель, я успешно прорвался.

Е Цзюньчжу слабо улыбнулся:

— Неплохо. Путь культивации долг, ни в коем случае не будь слишком гордым и самоуверенным.

Сердце Бай И похолодело, он снова принял свой обычный мягкий и осторожный вид и почтительно сказал:

— Благодарю учителя за наставление.

Е Цзюньчжу посмотрел на жалкого Бай И и вдруг немного смягчился:

— Во всём нужна мера. Хотя нельзя быть самоуверенным, но и излишняя скромность ни к чему. Ты всё сделал очень хорошо.

Бай И слегка покраснел, неловко улыбнулся и сказал:

— Благодарю учителя за наставление. Тогда ученик пойдёт закреплять свою культивацию. — Он только что думал, что учитель его ненавидит, а это было совершенно напрасно.

— Хм. — Е Цзюньчжу слегка кивнул и тоже вернулся в свою пещеру.

В это время Нин Цинъян только что закончил тренировку. Он сидел в кресле-качалке и держал в руках нефритовую табличку, неясно, что читал. Увидев вернувшегося Е Цзюньчжу, он опустил табличку и сказал:

— Учитель, глава секты тебя искал, велел тебе подойти.

Е Цзюньчжу был озадачен. В оригинальной книге хозяин этого тела и глава секты не виделись сотни лет, а при встрече смотреть друг на друга не могли. Зачем он его зовёт?

Не в силах угадать намерения главы, Е Цзюньчжу пришлось просто пойти к нему. Глава не указал место, но Е Цзюньчжу направился напрямик в главный зал. Казалось, что такой NPC, как глава секты, появляется только в главном зале или других официальных местах, будто не в главном зале его высокий статус не проявить.

Даоян, как глава Трёх сект, естественно, был высокомерен, и глава секты действительно сидел на главном месте в зале.

Глава секты посмотрел на Е Цзюньчжу и, нахмурившись, спросил:

— Это ты подрался с Чжао Чжэном, старейшиной Чэнтянь, на Трёхсектовом турнире?

Это что, допрос с пристрастием? Е Цзюньчжу холодно ответил:

— Просто старейшина Чжао Чжэн хотел навредить моему ученику. Я, как учитель, естественно, должен был его защитить.

Глава секты пристально посмотрел на него, помолчал и сказал:

— Я уже знаю всю подоплёку этого дела. Племянник-ученик Е поступил правильно. Ученикам Даоян не нужно, чтобы их учили чужаки. Не беспокойся, что старейшина Чжао Чжэн придёт с обвинениями, секта сама всё уладит.

Смысл этих слов был таков: если кто-то посмеет обидеть своего, бей прямо в ответ, а если что — секта прикроет. Е Цзюньчжу дёрнул уголком рта. Этот глава секты был тем ещё хулиганом.

— Я позвал тебя не за этим, — продолжал глава секты. — В прошлый раз ты хорошо поработал в Аньхэ, нашёл и уничтожил того буддийского культиватора, впавшего в демонизм. Вэньюань уже рассказал мне об этом. В последнее время в школе И возникли некоторые сложные дела. Займись ими. Как раз ты недавно прорвался на стадию Зародыша, считай это практикой для закалки сердца и ума.

Секты культивации делились на три уровня: цзун, мэнь, пай. Каждому цзуну подчинялось несколько мэнь или пай. Эти школы не подчинялись цзуну, но, находясь на его территории, цзун должен был их защищать.

Школа И была одной из маленьких школ на территории Даоян. Раз там случилась беда, Даоян, естественно, не мог остаться в стороне. В конце концов, все же культиваторы, неважно, что на уме, а братскую любовь на публике соблюдать надо, иначе чем они отличаются от демонических культиваторов?

Раз уж потребовалось вмешательство такого старейшины, как он, дело, наверное, нешуточное. Е Цзюньчжу с досадой ответил:

— Слушаюсь.

Вернувшись в пещеру, Е Цзюньчжу кое-как собрал вещи и сказал Нин Цинъяну:

— Цинъян, в школе И не знаю, что случилось. Учитель должен отправиться помочь разобраться. Ты останешься здесь тренироваться или пойдёшь с учителем?

Нин Цинъян, держа в руках нефритовую табличку, сказал:

— Пойду с тобой. Я в последнее время застрял на узком месте, как раз выйду, поищу возможность для прорыва. Но разве учитель не знает, что случилось в школе И?

Е Цзюньчжу сказал:

— Глава секты не объяснил.

— Школа И была уничтожена, — Нин Цинъян протянул Е Цзюньчжу нефритовую табличку. — В этом выпуске Босяо уже написано. Сейчас большая часть мира культивации об этом знает.

Е Цзюньчжу взял табличку:

— А что такое Босяо?

Хуа Цзиньюй удивлённо воскликнул:

— Красавчик, ты даже Босяо не знаешь? — И он начал тараторить, рассказывая всё, что знает о Босяо.

Босяо — это такое издание в мире культивации, выходит раз в три месяца. Основное содержание — новости о различных тайных мирах, важные события последнего времени, а также всякие сплетни и тайны. Проще говоря, это журнал, объединяющий политические новости и развлекательные сплетни, созданный для удобства тех культиваторов-затворников, которые веками не выходят за порог.

Загадочно было то, что никто не знал создателя Босяо и, тем более, источник информации, которую он публиковал. Стоило тебе оформить подписку в специальном магазине, как таинственный человек доставлял нефритовую табличку Босяо прямо к тебе домой. Конечно, не все знали об этом журнале — он был слишком дорогим.

Е Цзюньчжу вдруг почувствовал, что этот мир культивации какой-то неправильный. Откуда здесь такие вещи? Он посмотрел на Хуа Цзиньюя:

— Откуда ты всё так хорошо знаешь?

Хуа Цзиньюй оглянулся по сторонам и тихо сказал:

— Я открою тебе секрет. На самом деле Босяо выпускает мой великий Хэхуань. Хе-хе, один номер продаётся за сотню средних духовных камней. Это главный источник дохода нашего Хэхуаня. Красавчик, учитывая, что мы знакомы, если ты оформишь годовую подписку, я могу сделать тебе скидку в пять процентов.

Е Цзюньчжу с недоумением спросил:

— В Босяо много всяких тайных дел, например, о тайных мирах и личных делах тех великих. Откуда вы это знаете?

— Хе, вот тут и проявляется важность моего великого Хэхуаня, — Хуа Цзиньюй хлопнул себя по бедру. — Ты же знаешь, мы больше всего любим находить партнёров для парной практики. А эти партнёры в постели выбалтывают всё, что можно и что нельзя...

Нин Цинъян мельком взглянул на Хуа Цзиньюя. Тот, распалившийся было, резко замолчал.

Е Цзюньчжу, чувствуя некоторую неловкость, сказал:

— Ты пойдёшь в горы вместе со мной и Цинъяном. Заодно я провожу тебя обратно в Хэхуань.

Лицо Хуа Цзиньюя изменилось. Когда он уходил, то пообещал найти несравненную красавицу, и теперь, если вернётся с пустыми руками, его же засмеют?

Е Цзюньчжу было плевать на мысли Хуа Цзиньюя. Если он оставит его здесь, что, если тот испортит его маленького ученика? Все в Хэхуане слишком рано взрослеют. Нельзя допустить, чтобы ученик рано влюбился. Разве говорят, что потеря девственности до достижения стадии Золотого ядра влияет на будущую культивацию?

Поскольку уничтожение школы И было делом серьёзным — это был прямой удар по репутации Даоян на его собственной территории, — спустившись с горы, Е Цзюньчжу направился напрямиком в школу И.

Хотя школа И не могла сравниться с Даоян, она всё же была школой, и в прошлом здесь было довольно оживлённо. Теперь же, когда он вошёл, его встретили лишь мрачные призрачные испарения. Даже защитный массив школы был разрушен.

Е Цзюньчжу вошёл беспрепятственно. Раз никто здесь не прибирался, повсюду в беспорядке валялись трупы, их вид был ужасен: грудные и брюшные полости были вскрыты, внутренности

исчезли, словно их заживо замучили до смерти. Е Цзюньчжу чуть не стошнило.

Нин Цинъян тоже помрачнел. Это же позорит нас, демонических культиваторов! Даже демонические культиваторы, при всей своей распущенности, не стали бы так мучить людей. Похоже, эти глупые небесные культиваторы снова свалят всю вину на нас, демонических.

Бедный владыка демонов, до сих пор не желающий признать, что он сам стал тем самым ненавистным ему небесным культиватором.

Хуа Цзиньюй посмотрел на трупы на земле, покачал своим складным веером и печально вздохнул:

— Искони прекрасные обречены на раннюю гибель, лишь одинокие могилы глядят на закат. Жаль красавцев.

Е Цзюньчжу обернулся и посмотрел на него. Ну и кислятина.

Хуа Цзиньюй с грустью в глазах сказал:

— Я действительно не выношу, когда красавцы умирают молодыми. Мы ещё пойдём внутрь?

Нин Цинъян молча посмотрел на него.

Выражение лица Хуа Цзиньюя стало серьёзным:

— Надо идти! Мы должны добиться справедливости для красавцев!

Е Цзюньчжу продолжил идти к центру школы И, говоря:

— Найдём тела главы школы и старейшин. — У уничтожения школы должна быть цель. Скорее всего, это была вражда с верхушкой. Е Цзюньчжу совершенно не понимал этого: если ты враждуешь с верхушкой, зачем срывать злость на этих мелких сошках? Эх, наверное, в этом и заключается смысл существования статистов. Печальный смысл.

Школа И была небольшой, через полчаса они добрались до главного зала. На балках зала висели гирлянды внутренностей, к которым были прикреплены языки. Возможно, тел было слишком много и на балках не хватило места, поэтому часть была свалена на полу. А тело главы школы И лежало прямо на этих внутренностях, на его лице застыло выражение ужаса.

Едва Е Цзюньчжу толкнул дверь главного зала, как на него пахнуло запахом крови. Снаружи тоже пахло кровью, но по сравнению с тем, что было внутри, это было незначительно.

Увидев развешанные по залу гирлянды внутренностей, Хуа Цзиньюй, побледнев как полотно, выбежал наружу и его вырвало. Он наотрез отказался заходить внутрь.

Е Цзюньчжу тоже держался из последних сил — нельзя же ударить в грязь лицом перед маленьким учеником. Он подошёл на пару шагов ближе к Нин Цинъяну, закрыл ему глаза рукой и сказал:

— Цинъян, не смотри.

Нин Цинъян моргнул, ресницы скользнули по ладони Е Цзюньчжу. Владыка демонов видал виды и не такое. На самом деле ему совсем не было страшно, просто немного противно. Но чувствовать, что о тебе заботятся, было приятно.

Раньше, когда он был владыкой Уши, все его слишком уважали: при встрече обходили стороной, не осмеливались заговорить, не то что прикоснуться. Естественно, он никогда не испытывал такого чувства, когда о тебе заботятся и носят на руках, ведь рядом с ним почти никого не было.

Бедный владыка демонов, которого все боялись и презирали. Бедный владыка демонов, который умер так давно, но никто даже не подумал потребовать за него справедливости.

Е Цзюньчжу смотрел на этот мрачный зал, и у него слегка дрожали ноги. Остаться здесь одному было совершенно невозможно, поэтому он, закрыв ладонью глаза Нин Цинъяну, вывел его наружу, а затем втащил внутрь Хуа Цзиньюя.

— Цинъян, внутри беспорядок, подожди учителя снаружи. — Е Цзюньчжу похлопал Нин Цинъяна по плечу и потащил Хуа Цзиньюя внутрь.

Хуа Цзиньюй вцепился в дверной косяк, не желая входить, и закричал, зажмурившись:

— Красавчик! Ты несправедлив! Я тоже очень ранимый!

Е Цзюньчжу потянул его за руку:

— Такое зрелище не каждый день увидишь. Ты понимаешь, что это значит?

Хуа Цзиньюй приоткрыл один глаз и с недоумением спросил:

— Что это значит?

— Это же первоклассный материал для новостей Босяо! Да ещё и эксклюзивный. Ты должен лично всё осмотреть на месте, чтобы потом написать хит.

Хуа Цзиньюй заколебался, но страх всё же пересилил:

— Я могу сам всё придумать. Мы же уже видели, что снаружи.

Е Цзюньчжу беспомощно посмотрел на него:

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Выдумки — это фальшивые новости. Если кто-то узнает, вам тогда в журналистском кругу не работать?

Хуа Цзиньюй поколебался, потом стиснул зубы:

— Я пойду с тобой!

Нин Цинъян стоял снаружи, задумавшись. Этот небесный культиватор обязательно тащит с собой Хуа Цзиньюя... Неужели ему страшно? Страшно, но всё равно идёт. Этот небесный культиватор довольно занятный.

Уголки губ Нин Цинъяна чуть приподнялись, и он от нечего делать побрёл вокруг зала.

Хуа Цзиньюй, крепко вцепившись в руку Е Цзюньчжу, шаг за шагом продвигался внутрь и, дрожа, достал камень для записи изображений, чтобы зафиксировать всё внутри.

Е Цзюньчжу, глядя на то, как тот трясётся, будто его скрутила ломка, вздохнул про себя: нелёгкая это работа — репортёр на месте событий.

Через некоторое время Е Цзюньчжу наконец дотащил Хуа Цзиньюя до тела главы школы И. Он слегка нахмурился, потёр заложенный нос и ткнул в стоящего рядом с закрытыми глазами Хуа Цзиньюя:

— Одолжи свой веер.

Хуа Цзиньюй протянул левой рукой складной веер, расписанный разными цветами.

Е Цзюньчжу взял веер и с его помощью отодвинул в сторону внутренности, валявшиеся вокруг тела главы школы. Один кусок лежал неровно, соскользнул и упал прямо на ногу Хуа Цзиньюя. Е Цзюньчжу, не подавая виду, отодвинул этот кусок веером в сторону. Хуа Цзиньюй, зажмурившись, ничего не заметил — он был так напуган, что потерял чувствительность.

— О? — Е Цзюньчжу с лёгким удивлением посмотрел на относительно целое тело главы школы.
— Почему у главы школы не выпотрошены внутренности?

Хуа Цзиньюй от этого неожиданного возгласа чуть не рухнул на колени. Стиснув зубы с закрытыми глазами, он проговорил:

— Не обращай внимания на мелочи, смотри главное!

Е Цзюньчжу посмотрел на веер в своей руке, решил, что он грязный, применил очищающее заклинание, привёл веер в порядок и вернул Хуа Цзиньюю. Долг платежом красен, чтобы

потом снова занять было не стыдно.

Е Цзюньчжу внимательно осмотрел тело главы и заметил, что у того не хватает одного пальца. Он огляделся и в углу увидел отрубленный палец, на котором было кольцо-хранилище.

С некоторой брезгливостью он поднял кольцо-хранилище, стряхнул с него палец и сказал:

— Выходим.

Хуа Цзиньюй облегчённо вздохнул, вышел наружу, прислонился к стене и, обмахиваясь веером, по-прежнему элегантно-беспечно вздохнул:

— Собирать новостной материал — это не человеческая работа. — Он даже не подозревал, что его веер только что тесно соприкасался с внутренностями.

Е Цзюньчжу молча смотрел на эту сцену, ничего не говоря. Он повертел головой, оглядываясь, но не увидел маленького ученика. Лицо его изменилось, и он крикнул:

— Цинъян?

Нин Цинъян, ушедший уже далеко, услышал крик. Он слегка нахмурился, поколебался, но всё же пошёл дальше. Он только что почувствовал слабую связь по духовной метке — это должна быть его старая вещь.

Когда он был владыкой демонов, он очень любил помечать свои вещи, например, оставлять на них частицу своей духовной силы. Так, даже если вещь потеряется, её можно будет найти, и у обычных людей не хватит способности стереть его метку.

Нин Цинъян в конце концов пришёл к книгохранилищу. Книгохранилище было небольшим, всего в два этажа. Внутри царил полный беспорядок, по полу были разбросаны различные техники. Увидь это странствующие культиваторы, они бы непременно передрались, но Нин Цинъян и смотреть не хотел на техники этой мелкой школы. Он, не глядя, наступал на разбросанные свитки и, следуя за ощущением, пошёл вглубь.

Наконец он остановился перед стеной. Нин Цинъян посмотрел на неё, а потом просто с размаху пробил её ногой. Вспыхнул серебристый свет, и он быстро протянул руку, чтобы схватить что-то. В то же время деревянные балки книгохранилища начали сыпаться вниз, и не успел Нин Цинъян выбежать, как всё здание обрушилось.

Когда Е Цзюньчжу, услышав шум, прибежал, Нин Цинъян уже выбирался из-под обломков, весь в пыли.

Е Цзюньчжу взволнованно обхватил маленького ученика, повертел его так и сяк и спросил:

— Цинъян, ты не пострадал?

Нин Цинъян мрачно помотал головой. Чёрт возьми, почему это здание вдруг рухнуло?

Хуа Цзиньюй посмотрел на груды развалин и сказал:

— Похоже, это было книгохранилище школы И. Босс Цинъян, ты что, залез туда за их техниками? На самом деле, изучать техники такой мелкой школы — только обуза.

Нин Цинъян раздражённо ответил:

— Я просто подумал, что книгохранилище выглядит подозрительно. Когда заходил, случайно задел одну стену.

Хуа Цзиньюй втянул голову в плечи. Судя по тому, как он общался с этим типом последние дни, он точно задел стену, потому что она преграждала ему путь, а он не привык обходить. Он просто пробил её. Это так похоже на девиз владыки демонов Уши: «Кто встанет на пути — умрёт». Хуа Цзиньюй даже начал подозревать, не один ли это человек.

<http://bllate.org/book/18830/1833232>